

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 20 сентября 1881
8 сентября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.

Президентъ Гарфильдъ умеръ 19 сентября, вечеромъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Смерть президента Гарфильда. — 2) Простѣйшій способъ выслушивать голосъ земли и признакомъ власти съ элементарными понятіями о человеческой природѣ. — 3) Поправка ошибки. — 4) Нелюбовь изъ «Общаго Дѣла». — 5) Историческая Польша и великорусская демократія, гл. V, М. Драгоманова. — 6) Новое гониміе на раскольниковъ и возможность отпора съ ихъ стороны (письмо изъ Петербурга г-на М.). — 7) Кому съ кого примѣръ брать? (письмо путешественника Г-ева). — 8) Письма о рабочемъ движеніи, IV. — Извѣстія и замѣтки.

Женева, 20 сентября.

Трудно уловить точку отправленія внутренней нашей политики, благодаря сбивчивости понятій, руководящихъ заправителями свыше. Присматриваясь къ поворотамъ кормила правленія и, въ тоже время, прислушиваясь къ голосамъ изъ общественной среды, видишь, что утлая ладья русскаго полицейскаго государства старается идти не то по теченію, не то противъ теченія народной жизни. Съ одной стороны правительство какъ будто бы и сознаетъ немощность чиновничества въ рѣшеніи жизненныхъ для народа вопросовъ, созывая для разсмотрѣнія послѣднихъ экспертовъ не изъ правящей среды, за то съ другой стороны не рѣшается поуступить другой общественному мнѣнію, подвергая запретамъ органы печатной гласности, и видимо старается сохранить за бюрократіей ея руководящее, верховное значеніе въ государствѣ, призывая на совѣтъ не выборныхъ отъ народа, а *измолвленныхъ* властью. Таковы бывшая весною коммиссія 12-ти по разсмотрѣнію вопроса объ уменьшеніи выкупныхъ платежей; созванная на осень коммиссія 20-ти, приглашенныхъ изъ различныхъ мѣстностей для обсужденія мѣръ противъ пьянства и упорядоченія крестьянскихъ переселеній; наконецъ высочайшее повелѣніе о созывѣ повсемѣстно въ губерніяхъ, гдѣ сзренъ пользуются правомъ постоянной посѣд-

лости, коммиссіи изъ городскихъ и сельскихъ жителей, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, для выясненія причинъ, вызвавшихъ со стороны кореннаго южнорусскаго населенія насильственные дѣйствія противъ евреевъ, и выработки мѣръ, способныхъ устранить на будущее время ненормальность отношеній между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ.

Способъ рѣшенія вопросовъ государственной важности людьми избранными ad hoc не такъ несовершененъ, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Слабая сторона парламентаризма всегда состояла и состоитъ именно въ томъ, что депутатъ, разъ избранный въ законодательное собраніе, подаетъ голосъ по всемъ вопросамъ, не стѣняясь и никакъ не стѣняемый ни въ способѣ рѣшенія, ни въ степени знакомства съ поставленнымъ на очередь предметомъ обсужденія. При сложности социально-политическихъ отношеній нынѣшнихъ культурныхъ обществъ, отъ избирателей нельзя даже и требовать, чтобы представитель каждой группы въ законодательномъ собраніи обладалъ социально-политическимъ всезнаніемъ. Парламентъ безспорно великая объединительная сила страны и могущественный носитель общихъ культурныхъ принциповъ, но по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся устройства бытовыхъ отношеній, — такъ мало еще входящихъ въ программу занятій политическихъ парламентовъ западной Европы, — онъ часто оказывается несостоятельнымъ, во первыхъ, потому, что далеко не все мѣстные условія могутъ быть подведены подъ общее правило, во вторыхъ, потому, что всесторонняя оцѣнка этихъ условій доступна незначительному меньшинству законодательнаго собранія всей страны и, въ третьихъ, потому, что любой изъ депутатовъ, даже избираемыхъ всеобщимъ подачею голосовъ и представляющихъ по предположенію законодателя собирательное мнѣніе и таковую же волю своихъ избирателей, на дѣлѣ руководствуется личными взглядами, поступаетъ по собственному побужденію и, во всякомъ случаѣ, не можетъ выйти за предѣлы личнаго опыта и личныхъ знаній. Чѣмъ

обширѣе страна, чѣмъ разнообразнѣе входящая въ ея составъ мѣстности, чѣмъ разноплеменнѣе ея населеніе и рѣзче черты, отдѣляющія образованные слои общества отъ коснѣющаго въ невѣжествѣ народа, тѣмъ ярче обрисовываются недостатки способа рѣшенія такъ называемыхъ „жизненныхъ“ вопросовъ парламентомъ, т. е. представительнымъ учрежденіемъ всей страны, уполномоченнымъ постановлять рѣшенія по всемъ отраслямъ государственной жизни. Одинъ изъ московскихъ пророковъ, К. С. Аксаковъ, писалъ 26 лѣтъ тому назадъ только что вступившему тогда на престолъ императору Александру II—му: „созывать въ настоящее время земскій соборъ было бы дѣломъ бесполезнымъ“, потому что „на земскомъ соборѣ долженъ быть голосъ всей русской земли, а „слова дать теперь такого голоса не могутъ“. „Стоитъ, говоритъ онъ, написать имена этихъ сословій, чтобы почувствовать, какъ далеки они въ настоящее время другъ отъ друга, какъ мало единства между ними“. Онъ считалъ единственно возможнымъ и полезнымъ, чтобы правительство собирало „нарочныя собранія“ пословно, предлагая имъ на разрѣшеніе тотъ или другой изъ вопросовъ. Предложеніе рѣшать государственные вопросы по кастамъ было своего рода нелѣпостью, но для насъ интересно это предложеніе, какъ указаніе, что уже 26 лѣтъ тому назадъ у насъ стали раздаваться голоса въ пользу постановки на разрѣшеніе отдѣльных, строго определенныхъ вопросовъ, и голоса эти шли изъ среды поборниковъ земскихъ соборовъ, ратовавшихъ за возвращеніе народу *права мнѣнія*.

Но если рѣшеніе нарочными собраніями такихъ вопросовъ, которые не относятся до всехъ мѣстностей государства или не обнимаютъ собою всего населенія, предпочтительнее передъ рѣшеніемъ, поставленнымъ въ общемъ для всего государства представительнымъ учрежденіемъ, то лишь въ томъ случаѣ, когда участвующие въ нарочныхъ собраніяхъ дѣйствительно представляютъ собою волю и образъ мыслей заинтересованнаго населенія. А для этого необходимо, чтобы въ

народныя собранія посылался *выборные* люди и чтобы эти выборные люди обязаны были дѣйствовать не по собственному усмотрѣнію, но по данной имъ отъ избирателей инструкціи. Невозможно дать сколько нибудь удовлетворительный *mandat impératif* народнымъ представителямъ въ парламентъ, вълѣдствіе общирности и часто непредвидѣнности предстоящихъ имъ занятій, но когда дѣло идетъ о рѣшеніи по одному или нѣсколькимъ строго опредѣленнымъ вопросамъ, то инструкція, ясно выражающая образъ мыслей и волю избирателей, вполне возможна. Что касается до способа ея практическаго осуществленія, то этому въ значительной мѣрѣ всегда помогутъ сами избираемые, т. е. желающіе быть избранными, если каждому изъ нихъ предоставить свободу открыто выступать съ своею программой, какъ это дѣлается обыкновенно передъ парламентскими выборами. Выберутъ того, съ кѣмъ согласится большинство, того, кто пользуется болѣе другихъ довѣріемъ, слѣдовательно, того, кто болѣе другихъ въ состояніи выразить совокупную волю избирателей и поступить согласно ихъ желаніямъ.

Наше правительство, по свойственному бюрократіи педомыслию, никакъ не можетъ додуматься до такого простѣйшаго способа выслушивать голосъ земли, хотя само же и приглашаетъ общество высказываться по разнаго рода вопросамъ, — проситъ помощи благомыслящихъ людей и, въ тоже время, отказываетъ въ способѣ оказать эту помощь. Верховная власть извѣрилась въ добросовѣстности и способности своихъ помощниковъ ex officio, но въ то же время не имѣетъ довѣрія къ людямъ, бѣгущимъ отъ коронной службы, какъ отъ чумы. Почему? Боятся, что я, она, что народъ расхититъ эту власть, такъ что отъ нея останется лишь одинъ призракъ? Но развѣ се не расхитили, не растащили по клочкамъ разныя административныя инстанціи, начиная отъ министерскихъ канцелярій и кончая сторожевыми будками городовыхъ? Развѣ и теперь она не блѣдный призракъ, прячущійся за иппикъ и полчища полицейскихъ служителей всевозможныхъ наименованій? Растерявъ свою матеріальную силу, не боятся ли она утратить и свое нравственное обаяніе? Но развѣ люди преданнѣйшіе идеѣ самодержавія не относились къ носителю самодержавія, какъ къ неразумному мзденцу, котораго надо поучать самымъ элементарнымъ понятіямъ объ отличіяхъ человека отъ четвероногого? Послушайте хотя того же русскаго по крови, русскаго душой К. С. Аксакова, когда онъ въ восторженномъ благоговѣніи передъ достоинствомъ единоличной власти поучаетъ своего возседающаго на тронѣ 35 лѣтняго монарха. Вотъ чему поучаетъ онъ императора Александра II въ своей запискѣ „О внутреннемъ состояніи Россіи“:

„Человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ („Русь“ Ж 27, стр. 19).

Это говорилось *царю*! говорилось враждебнаго ради, что свобода слова есть неотъемлемое право человѣка!

Куда же идти съ такимъ правительствомъ, которое и теперь, какъ 26 лѣтъ тому назадъ, еще не познало, что „человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ“ и что, поэтому, „свобода слова есть неотъемлемое право человѣка?“

Мы должны исправить свою ошибку. Мы повѣрили „Новому Времени“, что издатель „Порядка“ г. Стасюлевичъ удостоился награжденія орденомъ св. Станислава 1-ой степ. „Новое Время“ солгало. Оказывается, что пущенною уткой про награду Стасюлевича оно рассчитывало повредить своему конкуренту и вмѣстѣ съ тѣмъ выслужиться передъ общественнымъ мнѣніемъ — „мы — де не Стасюлевичи, мы чисты отъ всякихъ наградъ“! Не завидуемъ такому способу занекивать расположеніе публики.

Женевскій корреспондентъ въ Женевѣ же издающагося листка „Общее Дѣло“ удивляется, какъ это до сихъ поръ никто изъ русскіихъ „грандовъ“ не додумался до осуществленія такого грандіознаго по своей цѣльности предпріятія, какъ учрежденіе за границею тайнаго органа печати. Авторъ корреспонденціи наводитъ правительство на мысль найти такое лицо, которое предстало бы „передъ публикой въ маскѣ и плащѣ таинственнаго дѣятеля изъ за границы, конечно, строго запретнаго, произведенія котораго не только не навязываются обывателямъ участкомъ, но могутъ попадать въ ихъ руки, только благодаря недостаточной бдительности участка“.

Мы прошии бы молчаніемъ такія маниловскія мечты въ области полицейскихъ предпріятій, если бы женевскій корреспондентъ „Общаго Дѣла“ не вышелъ изъ границъ общепринятой порядочности и не позволилъ себѣ показать свою дальновидность на издаваемой нами газетѣ „Вольное Слово“.

Этому недомыслию кажется подозрительнымъ, что „Вольное Слово“ выходитъ аккуратно каждую недѣлю, какъ будто не аккуратность, т. е., другими словами, недобросовѣстность въ отношеніи подписчиковъ и читателей, есть необходимое отличіе нравственнаго достоинства выходящаго за границы періодическаго изданія на русскомъ языкѣ.

Ему кажутся подозрительными „довольно острые отзывы о многихъ изъ недавно сошедшихъ со сцены русскихъ грандахъ, Маковѣ, Лорисъ-Меликовѣ, Барановѣ и друг.“, не смотря на то, что мы говорили о дѣятельности Баранова именно въ ту пору, когда этотъ „Хлестакъ новѣйшаго режима“, какъ выразились мы въ одномъ мѣстѣ нашей газеты, пользовался безграничнымъ довѣріемъ главы государства и критически относился къ дѣя-

тельности Побѣдоносцева, неизмѣнно продолжающаго находиться въ приближеніи къ верховной власти и недумающаго оставлять кресла синодальнаго оберъ-прокурора. Лучно о Меликовѣ, равно какъ и о Маковѣ, никакихъ отзывовъ мы не дѣлали, но сочли нужнымъ обличить лицемеріе перваго и неспособность послѣдняго въ виду немолкавшихъ восторговъ либеральной прессы передъ режимомъ такъ называемыхъ „новыхъ вѣяній“ и возвращенія правительства на ложный путь маковской пропаганды социализма.

Совершенно не понимая нашей насмѣшки надъ „благожеланіями“ высшаго правительства, остающимся безъ исполненія по волѣ урядниковъ и городовыхъ, корреспондентъ „Общаго Дѣла“ беретъ смѣлость говорить о возможности нетолкованія нашихъ словъ въ смыслѣ *субверсивной* для чести „Вольнаго Слова.“ Такіе нетолкователи мы встрѣтили только на страницахъ „Общаго Дѣла“.

Въ концѣ концовъ, прозорливый сотрудникъ „Общаго Дѣла“ не рѣшается высказать своего сужденія о нашей газетѣ, покуда мы не отвѣтимъ „на простой, по его словамъ, и скромный вопросъ: какого мы мнѣнія о министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Игнатьевѣ?“ Мы не разъ высказывали свое мнѣніе о внутренней политикѣ нашего правительства, слѣдовательно, высказывали мнѣніе и о графѣ Игнатьевѣ, какъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Высказываемъ нашъ взглядъ на одну изъ сторонъ дѣятельности этого министра и въ настоящемъ номерѣ и никогда не перестанемъ порицать малѣйшее стремленіе правительства мѣшать организаціи общественныхъ силъ къ самостоятельности и упорядоченію социальныхъ отношеній. Но повидимому автору корреспонденціи не того хочется. Изъ приводимаго имъ примѣра, что покойный генералъ Мѣрославскій отвѣчалъ *кому то и когда то* на вопросъ: „кто такой то?“ двумя словами: *un escroc, раblen!* — мы заключаемъ, что автору желательно было бы услышать отъ насъ подобный же отзывъ и объ Игнатьевѣ. Къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ удовлетворить этому желанію, потому что дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ настолько обширна, что не можетъ быть охарактеризована въ двухъ словахъ. Иное дѣло литературные труды женевскаго корреспондента „Общаго Дѣла“. Если бы насъ спросили объ авторѣ вопрошающей насъ корреспонденціи, то мы не затруднились бы отвѣтить даже однимъ словомъ... Но мы воздержимся отъ произнесенія этого слова во всеуслышаніе, покуда не выяснятся побужденія, руководившія инициативой этого господина на нашъ счетъ. Мы всѣми силами стремимся къ объединенію борьбы съ правительственнымъ произволомъ, угнетающимъ личную и національную свободу въ средѣ обездоленнаго населенія имперіи, создающимъ и поддерживающимъ въ нашемъ отечествѣ невозможныя отношенія нравственныя, религіозныя, социально-экономическія и политическія. Мы стремимся

поставить эту борьбу на практическую почву, превратить ее из *предпріятій* отдѣльных, изолированных от народа кружковъ въ *общее дѣло*. Но едва успѣли мы сказать нѣсколько словъ въ этомъ смыслѣ, какъ уже на насъ стараются набросить „тѣнь подозрѣнія“, наивно думая этимъ старымъ *канцелярскимъ* приѣмомъ заставить насъ замолчать.

И не стыдно вамъ, гг. редакторы журнала, издающагося подъ девизомъ именно преслѣдуемаго нами *общаго дѣла*?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

V.

Изъ выписанныхъ выше словъ Герцена въ 34 № „Колокола“ видно прежде всего, что онъ разумѣетъ подъ словомъ Россія — собственно только Великоруссію, ибо только къ ней „присоединилась Украина въ XVII ст.“, — и только она „сохраняетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу“ (конечно, за исключеніемъ такъ называемыхъ инородцевъ). А между тѣмъ рядомъ Герценъ употребляетъ это слово и въ государственномъ смыслѣ и въ тоже время неявно представляетъ себѣ численное отношеніе невеликорусскихъ элементовъ населенія русскаго государства къ элементу великорусскаго, — когда говоритъ, что „Россія, кромѣ закраинъ своихъ представляетъ сплошное единство.“ На дѣлѣ эти „закраины“ занимаютъ почти половину Европейской Россіи — отъ Финляндіи черезъ Петербургъ, Смоленскъ, почти подъ Воронежемъ къ Н. Черкаску и Ставрополю, — и представляютъ почти половину населенія страны. При этомъ важное практическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что почти всѣ невеликорусскія племена западной половины Европейской Россіи выходятъ своими частями за границы русскаго государства (литовцы, которыхъ болѣе сознательная часть и печать находится въ Пруссіи, — поляки, украинцы, румыны), а потому не могутъ быть подведены этимъ государствомъ подъ одну струну. (Тоже слѣдуетъ сказать о грузинахъ и армянахъ за Кавказомъ). А изъ племенъ не-русскихъ, но помѣщающихся въ Россіи, — малая племена латышей и эстовъ, которыхъ великорусскіе государственные демократы желаютъ эмансипировать и въ тоже время русенъ, превосходятъ своимъ образованіемъ и организацией русскихъ *. Такимъ образомъ „закраины“ Россіи имѣютъ очень много шансовъ на измѣненіе всѣхъ расчетовъ, которые могутъ быть сдѣланы великоруссами касательно судебъ всей Россіи. Противъ этого, конечно, люди въ родѣ Герцена (если бы только ихъ было побольше!) ничего не станутъ и возражать. Но прежде

всего имъ слѣдуетъ имѣть вполнѣ отчетливое понятіе о томъ, что такое „единство Россіи“ и что такое ея „закраины“.

У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчетливыхъ понятій, чѣмъ добрыхъ памѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его „сплошной Россіи“ съ Польшею. Прежде всего онъ впалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ, — по примѣру польскихъ „историческихъ“ патріотовъ опредѣлять границу своей Россіи, т. е. Великоруссіи отъ Польши, тогда какъ, по духу его идей, онъ долженъ бы былъ опредѣлять границу ея отъ Латышій, Бѣлоруссіи и Украйны, — такъ какъ вѣдь великорусская нація нигдѣ съ польскою не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что напр. „Украйна не захочетъ быть ни польскою, ни русскою“, — предполагаетъ и возможность, что западныя области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чемъ опираетъ это предположеніе на разныя „бытовые основанія“, которыми, за неизмѣнимъ ни горъ, ни болѣшихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу, — границу все таки между Россіей и Польшею! Приглядѣвшись ближе къ этимъ „бытовымъ основаніямъ“, увидимъ, что ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ никакой границы, а одно за другимъ даютъ липин до смѣшного перепутывающіяся.

Возьмемъ языкъ. Литовскій языкъ напр. уже потому, что онъ совсѣмъ и не славянский, не можетъ быть „ближе“ ни къ русскому, ни къ польскому; область его, значитъ, окажется ни Россіей, ни Польшею. За тѣмъ славянскіе языки: бѣлорусскій и украинскій въ основѣ своей вездѣ, — къ западу, какъ и къ востоку, — находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ польскому, такъ и къ русскому языку, — и если напр. дальше къ западу вы встрѣтите въ языкѣ больше культурныхъ словъ польскихъ (между которыми добрая половина слова нѣмецкія, зашедшія и къ полякамъ, и къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ) а на востокѣ найдете слова русскія, то эти слова такъ же мало измѣняютъ массовой украинскій или бѣлорусскій характеръ какой нибудь Гродненской или Черниговской губерній, какъ и украинскія слова въ языкѣ орловской, или повгородской губерній не измѣняютъ сути великорусскаго характера послѣднихъ. Рядомъ съ десятками — сотнями польскихъ и полонизированныхъ словъ встрѣтимъ въ языкѣ какой нибудь сѣверо-восточной губерніи такія оригинальныя особенности основныхъ чертъ языка, — фонетики и грамматики, которыя заставятъ всякаго, — знакомаго съ дѣломъ, — только улыбнуться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ зачислять эти земли въ Польшу, на основаніи будто бы большей близости языка къ польскому, чѣмъ къ великорусскому. Ссылаемся на всѣхъ ученыхъ писавшихъ объ этомъ предметѣ. По языку во всей спорной области получимъ границы: Польшу, Литвы, Латышій, Бѣлоруссію, Украйны, Великоруссію, — а вовсе не Польшу и Россію.

Не болѣе помогаетъ великорусскому демократу съ его польскими корреспондентами и религія: православіе, унія и даже католи-

цизмъ. Во первыхъ, унія сохранялась въ 1860 г. только въ Царствѣ Польскомъ (около 500,000) да въ Галиціи (б. 3,000,000), — значитъ громаднѣйшая часть земли отъ З. Буга и австрійской границы за Днѣпромъ, т. е. всѣ „губерніи отъ Польши возвращенныя“, какъ говорятъ въ Россіи, и весь „закраинный край“, какъ говорятъ въ Польшѣ, окажутся Россіей, конечно, къ великому неудовольствію польскихъ историческихъ патріотовъ. А кромѣ того населеніе уніатской Галиціи по всѣмъ прочимъ „бытовымъ основаніямъ“ совсѣмъ подобно православному населенію кievской губерніи, которое по религіозно-бытовому основанію Герцена называется „русскимъ“, — и населенію Полтавской губерніи, которое „историческіе“ польскіе патріоты не требуютъ въ Польшу на томъ основаніи, что оно уступлено Польшею трактатомъ 1667 г., а не 1773 г. Уніатское населеніе Галиціи и передъ 1860 г. десятки разъ доказало, между прочимъ установивъ крестьянскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 1848 г., — что оно также не хочетъ „принадлежать“ Польшѣ, какъ и кievское или полтавское, — о чемъ и Герценъ могъ бы знать, если бы между Галиціей и нѣмъ не стояли увѣренія польскихъ патріотовъ и нѣмецкихъ либераловъ, будто „русские“ выдумали въ 1848 г. намѣстникъ Галиціи гр. Стадіонъ“. Наконецъ въ Правобочной Украйнѣ есть села бѣдной шляхты и вообще чиншевниковъ, по религіи католиковъ, но по языку украинцевъ и которые ни въ 1831 г., ни въ 1863 г. не обнаружили никакой охоты возставать за Польшу. Община, — какъ мірская сходка, существуетъ во всей данной полосѣ, — а общиннаго землевладѣнія не существуетъ и въ Черниговской, и Полтавской губерніи (кромѣ казенныхъ крестьянъ). Оно существуетъ въ Слободской Украйнѣ и Новороссіи, какъ въ земляхъ повѣйшаго заселенія, но въ этихъ земляхъ, по всѣмъ другимъ „бытовымъ основаніямъ“, населеніе ничѣмъ не отличается отъ населенія напр. полтавской, кievской и подольской губерній, — а въ Новороссіи, при общинномъ землевладѣніи, подобномъ великорусскому, сохранились наиболѣе живыя воспоминанія о томъ, какъ „Москва Січъ руиновала“ и какъ „суча дочка, московска царица своимъ генераламъ запорожскіе степи подаровала“ и т. п. Словомъ: 1) или не затѣмъ вовсе поднимать вопроса о „бытовыхъ основаніяхъ“ для политическихъ границъ, а надо признать границы, „историческія“, т. е. проведенныя мечемъ и перомъ дипломатовъ, — и тогда, право, трудно понять, чѣмъ это границы, установленныя для Россійской имперіи вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г. хуже, чѣмъ границы между Московіей и Польшею, опредѣленныя въ 1667 г. и существовавшія до 1773 г.? По здравому разуму, теперешнія „историческія“ границы Россіи, какъ Россійской имперіи, уже потому лучше „историческихъ“ границъ Польши 1667—1772 гг., что они существуютъ; или же 2) если уже начать передѣлывать границы Россійской имперіи, по совокупности бытовыхъ основъ, то опять таки лучшимъ не Россію и Польшу, — а Польшу, Украйну, Бѣлоруссію, Литву и т. п.

* Въ началѣ 1881 г. эсты имѣли 6 періодическихъ изданій (въ теченіи года прибавилось еще 2) на 900,000 населенія, а латыши протестанты 10 на 1,100,000; русскіе же было всѣхъ изданій, съ общинальными, только 376 на 40,000,000 великоруссовъ, не считая обрусѣлыхъ чиновниковъ.

Но въ концѣ концовъ великорусскій демократъ высказываетъ мысль, что не нужно предпринимать вопроса о границахъ, — а слѣдуетъ предоставить рѣшить его населеніямъ спорныхъ провинцій, — причемъ, говоря пока объ одномъ изъ нихъ, украинскомъ, говоритъ: „развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово“ и т. д. На первый взглядъ пѣтъ ничего резоннаго, благонамѣреннаго и даже самоотверженнаго такихъ рѣчей, — и если бы политическіе дѣятели, не говоримъ уже правители, но даже революціонеры, — всѣ были Герцены, то не оставалось бы ничего желать, какъ только того, чтобъ они поставлены были въ возможность „развязать руки и языкъ“ населеніямъ Европы, „сдѣлать ихъ рѣчь совершенно свободно“, чтобъ избавить эти населенія отъ крайней мѣры отъ національныхъ споровъ. О такомъ непродуманномъ вопросѣ о „забранныхъ краяхъ“ и объ освобожденіи прежде всего языка и рукъ ихъ населеній, для того, чтобъ они могли совершенно свободно подать свой голосъ по вопросу о принадлежности къ Польшѣ, или о союзѣ съ нею, — говорили и во времена Герцена нѣкоторые польскіе политики, — говорятъ и теперь иногда польскіе публицисты. Мы увидимъ далѣе примѣры этихъ рѣчей.

Увы! не сомнѣвался въ самыхъ добрыхъ намереніяхъ говорящихъ такихъ рѣчи, мы не можемъ не признать ихъ ничѣмъ инымъ, какъ только компромиссомъ между мнѣніями, съ которыми трудно бороться на открытомъ полѣ аргументаціи, мнѣніями отрицающими всякія „историческія“ права Польши и всякія издѣлія старой дипломатіи, Люблинскія, какъ и Вѣнскія, — и собственными привычками говорящихъ къ мысли объ этихъ „историческихъ“ правахъ. Это очень гуманно спрашивать населенія о политическихъ границахъ. Еще гуманнѣе поднять оружіе для того, чтобъ „развязать имъ языкъ“. Но на бѣду въ этихъ вопросахъ отвѣты зависятъ отъ того, кто, какъ и при какихъ условіяхъ предложить вопросъ, — а теперешнія массы народа во внѣшне-государственныхъ вопросахъ, — сущность которыхъ не сразу видна имъ въ повседневной жизни, — почти всегда высказываются за *status quo*, — т. е. на дѣлѣ за того, у кого въ рукахъ власть, войско. Тотъ же, у кого въ рукахъ власть, не расположенъ ставить вопросы иначе, какъ въ такой формѣ, чтобъ получить на нихъ какъ разъ такіе отвѣты, какіе ему нужны. Напомнимъ напр. *sufrage universel*, произведенный Наполеономъ III въ Ниццѣ, или хотя послѣднюю перепись, произведенную въ Галиціи польскими чиновниками, между которыми находится много прилимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ. За тѣмъ, есть положенія, когда при-ставать къ человѣку съ извѣстными вопросами, прося у него самыхъ свободныхъ отвѣтовъ, есть просто невѣжливость: въ числѣ такихъ невѣжливыхъ вопросовъ можно поставить вопросы: Лейпцигу: пѣмецкій ли онъ городъ, или чешскій? — Варшавѣ, — не русская ли она? и обитателямъ кievскаго уѣзда, — не поляки ли они? А поднимать въ Лейпцигѣ

возстаніе для того, чтобъ развязать ему языкъ по вопросу: хочетъ ли онъ быть пѣмецкимъ, или чешскимъ городомъ? — было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо. Но пусть предлагаютъ разные софистическіе и даже невѣжливые вопросы люди, власть имѣющие. Прежде всего, они почти ничѣмъ не рискуютъ, имѣя въ рукахъ готовую власть. Революціонеры же, даже тѣ, которые хотятъ захватить власть, а не только тѣ, которые хотятъ „совершенной свободы“, — должны задавать вопросы самимъ себѣ прежде, — чѣмъ должныствующимъ быть освобожденными населеніямъ, — и добиваться на нихъ отвѣтовъ положительно-научнымъ способомъ, на основаніи совокупности данныхъ, представляемыхъ исторіей и настоящимъ положеніемъ этихъ населеній. Такъ медикъ долженъ прежде всего дѣлать самъ діагнозъ болѣзни субъекта, котораго онъ думаетъ лечить, — имѣя при этомъ въ виду, что иногда этотъ субъектъ можетъ и не понимать его вопросовъ. Для революціи прежде всего нужна сила, — т. е. помощь самого населенія извѣстныхъ странъ, а потому революціонеры, особенно если онъ не разсчитываетъ на постороннюю государственную помощь, — (въ какомъ случаѣ онъ собственно и не революціонеръ, а завоеватель) долженъ прежде всего сообразить, чѣмъ онъ можетъ поднять населеніе, и чѣмъ можетъ оттолкнуть его отъ себя? Революціонеръ же, который дѣйствительно чуждъ личнаго и даже національнаго эгоизма, — долженъ при этомъ сообразить, что такое дѣйствительно можетъ служить къ удовлетворенію нуждъ даннаго населенія? и долженъ затѣмъ направить въ эту сторону всю свою энергію. Всѣ эти требованія мы вправѣ предъявлять къ дѣятелямъ настоящаго, „положительнаго“ времени.

Приложимъ эти соображенія къ двумъ крайнимъ и непохожимъ между собою провинціямъ изъ числа „забранныхъ“ нынѣшней Россіею отъ старой Польши, — къ Украинѣ и Литвѣ. Въ первой мы увидимъ такое недуманное и столько разъ съ XVI в. заливенное отвращеніе отъ всякой принадлежности къ польскому государству, что слѣдуетъ по истинѣ удивляться, какъ можно было людямъ, что нибудь знающимъ объ этой землѣ, допускать на одну секунду мысль, что населеніе ея можетъ, да еще при полной свѣжести памяти о крѣпостномъ правѣ у польскихъ пановъ, — пойти за польскимъ знаменемъ, даже если бы изъ подъ него обѣщались рѣки сытовыхъ и берега киѣльницъ. Во второй мы видимъ населеніе еще съ XV ст. затертое національно-политически и придавленное социально, — такъ что ему теперь совершенно странно ставить вопросъ о томъ, хочетъ ли оно принадлежать къ тому, или другому государству, или даже къ тому, или другому политическому союзу. Какъ населеніе религиозное, и при томъ католическое, литовцы, конечно, не довольны принадлежностью къ еретичной Россіи, и ихъ, конечно, можно убѣдить, что съ единовѣрной Польшой имъ было бы лучше, хотя сомнительно, чтобъ ихъ можно было довести до поголовнаго возстанія за отпаденіе отъ Россіи къ Поль-

шѣ: по крайней мѣрѣ такого возстанія не было ни въ 1831 г., когда жмудины даже пробовали рѣзать польскихъ пановъ, какъ дѣлали это потомъ, въ 1846 г., польскіе крестьяне въ западной Галиціи *), ни въ 1863 г., когда возстаніе въ Жмудѣ, не смотря на усилія ксепдзовъ, вовсе не было очень энергично, а тамъ, гдѣ ксепдзъ былъ не изъ шляхты, а изъ крестьянъ, то, говорить, его и совсѣмъ не было.

Но допустимъ, что старое польское государство возстановлено, — и среди 30 миліоновъ населенія его (10—11 миліоновъ поляковъ) оказывается и 2½ миліона литовцевъ, — почти исключительно крестьянъ. Лучше ли бы съ ними обращался сеймъ Польши, чѣмъ парламентъ Германіи обращается съ познанскими поляками, или галиційскій съ русинами? Сомнительно. А если такъ, то стоитъ ли мѣнять господина?!

Но, говорятъ, такого не было бы, если бы Польша была возстановлена революціоннымъ путемъ, да еще при дѣятельномъ участіи не-польскихъ населеній, въ томъ числѣ и литовскаго, — которые въ такомъ случаѣ имѣли бы достаточно силы, чтобъ и не позволить поставить себя въ подчиненное положеніе, даже, если бы поляки и возымѣли неблагородное желаніе господствовать надъ ними. Литвины напр. имѣли бы областное самоуправленіе, свой языкъ въ школахъ, а если бы захотѣли, то и свой университетъ. Если же такъ, то, спрашивается, почему подобный союзъ назывался бы Польшею? а слѣдовательно непонятно, за чѣмъ это нужно приступать къ агитаціи среди литовскаго населенія во имя возстановленія Польши и Люблинской униі, отъ которой собственно литовскому населенію было по меньшей мѣрѣ ни тепло, ни холодно, — а не прямо во имя интересовъ самаго литовскаго населенія?

Уже и опытъ 1830—31 гг., когда Царство Польское имѣло свою армію, — показало, что безъ поголовнаго возстанія не только поляковъ, но и всѣхъ націй „забранныхъ краевъ“ невозможно освободить отъ когтей Россійской имперіи даже Конгрессовую Польшу, — а, слѣдовательно, сторонники даже одного этого освобожденія, должны были въ 60-е годы употребить всевозможныя усилія, чтобы привлечь къ новому возстанію эти населенія. А для этого надо было, чтобъ сторонники эти, а также друзья ихъ въ польскихъ губерніяхъ, употребили больше усилій, чтобъ изучить потребности и характеръ этихъ населеній, войти въ ихъ интересы, слиться съ ними языкомъ и трудомъ, — безъ чего невозможно приобрести ихъ довѣрія, — а потомъ и поднимать эти населенія за ихъ, а не за польскіе интересы. Если же такъ, то опять спрашивается: почему такое возстаніе было бы польскимъ возстаніемъ, — а не польскимъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ возстаніемъ, — если говорить пока только о вопросѣ національной и областной автономіи и оставить вопросы чисто соціальныя,

*) О жмудской жаккеріи можно прочесть у Шмидта (Geschichte der Polnischen Revolution 1830—31), котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою.

о которых будет рѣчь дальше. Необходимо принять во вниманіе, что украинцамъ лѣтъ интереса дѣлиться пополамъ, такъ чтобъ западная ихъ половина вошла бы въ союзъ,—положимъ, не похожий на все прежнее и на положеніе дѣлъ въ Галиции,—съ Польшою,—а восточная оставалась за Россіей, и что, если украинцамъ лить кровь за автономію, то за автономію всего своего имени. Значитъ предполагаемому возстанію населеній западной Россіи еще болѣе лѣтъ резона производиться подъ знаменемъ Польши. Наконецъ еще въ 1831 г. нашлись среди поляковъ люди, которые увидѣли необходимость поддержки и въ Великороссіи, почему и написали на своихъ знаменахъ: „за пашу и вашу волюность“. И въ самомъ дѣлѣ,—не только трудно себѣ представить полное торжество возстанія въ западной половинѣ Россіи безъ поддержки свободнаго движенія въ Великороссіи, но разъ допустивши, что цѣлью вышеупомянутаго возстанія должно быть не возстановленіе старой Польши въ одной изъ ея историческихъ границъ, а установленіе великой федерации поляковъ, литовцевъ, латышей, бѣлоруссовъ и украинцевъ,—совсѣмъ непонятно исключеніе изъ нея и великоруссовъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ „историческихъ“ преданій и государственныхъ претензій, программу вполне достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы.

Читатель можетъ замѣтить, что мы выходимъ за предѣлы предмета, о которомъ начали рѣчь и говоримъ о настоящемъ и будущемъ, вмѣсто обсужденія прошедшаго, къ которому было бы слишкомъ строго прилагать мѣрку, годную развѣ для настоящаго или даже для будущаго. Это замѣчаніе будетъ вѣрно только отчасти. Во первыхъ для дѣятеля все таки недавняго и ири томъ для челоѣка такого ума и образованія, какими обладалъ Герценъ, никакая теперешняя мѣрка не можетъ быть строгою,—и если бы Герценъ явился и теперь среди насъ такимъ, каковъ онъ былъ, то врядъ ли бы онъ оказался позади многихъ изъ теперешнихъ дѣятелей, а не гораздо болѣе современнымъ, чѣмъ они. А во вторыхъ въ своихъ статьяхъ „Польша и Россія“ 1859—1860 г. Герценъ самъ очень ясно намѣтилъ основы той широкой федеральной программы, о которой мы сейчасъ сказали. Онъ только не развилъ ее въ деталяхъ,—и не обнаружилъ должной настойчивости передъ претензіями „историческаго“ польскаго патріотизма, а потомъ въ горячую минуту сдѣлалъ ему еще болѣе уступокъ. Причиной тому было главнымъ образомъ отсутствіе детальныя знаній относительно западныхъ провинцій Россіи и отсутствіе непосредственныхъ впечатлѣній отъ ихъ жизни,—хотя нельзя сказать, чтобъ знаменитый великорусскій демократъ былъ совсѣмъ лишонъ предостереженій съ мѣста, по крайней мѣрѣ изъ одной изъ западныхъ провинцій.

Самое выдающееся изъ этихъ предостереженій было письмо, помѣщенное въ 61 листѣ „Колокола“ (1860 г., 15 Января) какъ передовая статья подъ заглавіемъ „Украина“, и вызвавшее прямо статью Герцена въ 34 №, изъ которой мы привели выше выдержки. Письмо это, очевидно, принадлежитъ перу одного изъ главныхъ членовъ кievскаго братства 1847 г. и замѣчательно во многихъ отношеніяхъ,—такъ что мы рѣшились перепечатать его особо отдѣльной брошюрой. Здѣсь мы приведемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя наиболѣе прямо идутъ къ занимающему насъ вопросу.

Начавъ съ благодарности издателю „Колокола“ за слова его объ Украинѣ, сказанныя въ 34 №, какъ „за одну изъ многихъ истинъ, которыя онъ первый высказалъ печатно на русскомъ языкѣ“, авторъ письма приступаетъ къ изложенію своихъ „задушевныхъ убѣжденій“.

„Большинство великорусской и польской публики, говоритъ онъ, привыкло не считать насъ (украинцевъ) отдѣльнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что дворянъ-малороссянъ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаниемъ о несостоятельности дворянской инстиуции, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде у насъ не было дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссянами. Народность *малоросійская*, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексея Михайловича, всегда оставалась достоинствомъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровію утѣпавшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ *мужичье*? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

„Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случилось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоли Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ—поляки и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что же касается до сплошной массы чорнаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великоруссы, или наслышавшіеся польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края,—или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ составляетъ спорный пунктъ между свобододолюбивыми (людьми) обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ,—они принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ“.

Сдѣлавъ за тѣмъ обзоръ Украины и указавъ, какъ на главную причину ея упадка,

на раздѣлъ ея въ концѣ XVII в. между Москвою, Польшою и Турціей, авторъ переходитъ къ украинскому возрожденію въ XIX столѣтіи и къ появленію на Украинѣ идей панславизма. „Идея панславизма, говоритъ онъ, принялась на Украинѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вождѣльную судьбу Украины и Польши. Въ Украинѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ путемъ Украина можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой столъ, несправедливо и безжалостно поправный образъ“. Расказавъ далѣе судьбу кievскаго братства 1847 г. и его членовъ въ ссылкѣ и вліяніи на Украину оттеполи, наступившей въ началѣ царствованія Александра II,—„весны, хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ“,—авторъ предлагаетъ нѣсколько украинскихъ требованій отъ русскаго правительства: дополненіе задуманнаго освобожденія крестьянъ полнымъ урваніемъ правъ крестьянъ съ дворянствомъ, а также допущеніе украинскаго языка въ школы,—и за тѣмъ оканчиваетъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-тѣмской московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, *въ него же впроемъ и его же чаемъ*, наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южнорусскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаци, а на ясномъ сознании равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтobъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть,—падобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предрасудковъ“.

„Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ *своими* земли, заселенныя нашимъ народомъ“.

Въ 1863 г., въ самый разгаръ польскаго повстанія, послѣ того уже, какъ Герценъ принялъ программу делегатовъ варшавскаго революціоннаго правительства, онъ вспомнилъ эту статью, называлъ ее превосходною и говоря, что съ нимъ „согласны и сами украинцы“,—т. е. иначе, что онъ самъ согласенъ съ федералистомъ, авторомъ статьи „Украина“. („Колоколъ“,

№ 167). На сколько это заявление Герцена было верно,—увидимъ далѣе.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВОЕ ГОНЕНИЕ НА РАСКОЛЬНИКОВЪ

и

ВОЗМОЖНОСТЬ ОТПОРА СЪ ИХЪ СТОРОНЫ.

(Письмо изъ Петербурга).

Начало быстрыми шагами приближающейся петербургской осени должно совпасть съ открытіемъ нашего дѣловаго сезона, который обѣщаетъ въ нынѣшнемъ году быть особенно важнымъ. Каждое министерство готовитъ для вписанія въ государственный совѣтъ не малое количество проектов, которые должны свидѣтельствовать по крайней мѣрѣ о дѣятельныхъ стараніяхъ руководящихъ ими лицъ. Проекты министра внутреннихъ дѣлъ будутъ имѣть ту особенность, что въ ихъ составленіи участвовали не одни чиновники, а и представители специально заинтересованныхъ населеній; можно надѣяться поэтому, что характеръ этихъ предложеній будетъ нѣсколько прогрессивный. Къ сожалѣнію, невозможно ожидать того же отъ полу-министерства, во главѣ котораго стоитъ К. П. Побѣдоносцевъ.

Я говорю полу-министерство, потому что повсюду, да и у насъ до послѣдняго времени, культъ соединялись съ другимъ министерствомъ; оберъ-прокурору же св. Синода подвѣдомственна только одна православная церковь. Но если кругъ власти оберъ-прокурора ограниченъ однимъ исповѣданіемъ, то власть надъ послѣднимъ совершенно неограниченна. Подъ скромнымъ титуломъ оберъ-прокурора скрывается полномочный, безотвѣтственный представитель петровскаго реформеннаго государства, поставившаго церковь въ безусловное отъ себя подчиненіе. Такъ называется по ироніи судьбы, „господствующая“ церковь—самая несвободная, самая поработанная изъ церквей; Петръ и его ближайшіе преемники не могли забыть, что церковь противилась мѣрамъ правительства и могла бы противиться гораздо больше, если бы внутреннее единство, связь высшаго духовенства съ низшимъ и низшаго съ паствою, не была разорвана честолюбіемъ Никона. Рядомъ послѣдовательныхъ и тѣсно связанныхъ между собою законовъ,—чуть ли не единственный примѣръ послѣдовательности въ нашемъ законодательствѣ,—государство опутало церковь до такой степени, что сдѣлало невозможнымъ для нея всякую самостоятельную дѣятельность, всякую самостоятельную жизнь: *церковь въ плину у государства и оберъ-прокуроръ ея тюремщикъ*.

Это положеніе никто лучше не сознавалъ какъ К. П. Побѣдоносцевъ, краснорѣчивый и глубоко прочувствовавшій рѣчи котораго, сказанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ государственномъ совѣтѣ, представляютъ печально вѣрную картину положенія русской церкви; эти рѣчи произвели большое

впечатленіе въ рѣшающихъ сферахъ и были отчасти причиною скорѣ затѣмъ послѣдовавшаго призванія его на теперешній постъ. Назначеніе это было привѣтствовано всѣми какъ заря лучшаго будущаго: естественно было думать что человѣкъ, такъ глубоко сознавшій зло и такъ сильно его изобразившій, найдетъ и средства для его исправленія. Но, назначеніе это, увы! имѣло самыя грустные послѣдствія, какъ для духовнаго вѣдомства такъ и для самаго Константина Петровича! Извѣстно, что онъ всецѣло преданъ дѣлу, забывалъ для него пищу и сонъ, но также извѣстно и несомнѣнно, что это поглощеніе дѣломъ оказалось совершенно непроизводительнымъ и бесполезнымъ. До сихъ поръ нельзя назвать ни одной сколько нибудь важной мѣры проведенной Побѣдоносцевымъ, за исключеніемъ уничтоженія послѣдняго остатка древняго начала избранія, пѣкогда наполнявшаго всю русскую церковь.

Вмѣсто того, чтобы бороться съ вредными началами, губящими церковь, К. П. Побѣдоносцевъ, съ самаго вступленія въ должность, сталъ на сторону этихъ началъ и усилилъ ихъ пагубное дѣйствіе. Церковь въ его глазахъ, это сонмъ іерарховъ, которыхъ онъ, правда, не освобождаетъ отъ подчиненія государству, т. е. въ данномъ случаѣ, себѣ самому, но за то онъ отдаетъ имъ въ полнѣйшую власть, такъ сказать, выдаетъ имъ головою все духовное сословіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные интересы русскаго народа.

Самъ Побѣдоносцевъ называлъ церковь, — (конечно не будучи еще ея начальникомъ), государственнымъ учрежденіемъ, духовныхъ же — чиновниками облеченными въ епископскій и іерейскій санъ; это правда, но только доля всей правды. Низшее духовенство, священники несутъ обязанности чиновниковъ, но не пользуются ихъ правами, не могутъ ни перейти въ другое вѣдомство, ни оставить службы, ни даже уклониться отъ повиновенія, вмѣняемаго имъ въ долгъ совѣсти; они составляютъ сословіе пожизненныхъ и чуть не потомственныхъ рабовъ.

И, какъ ни несчастно, какъ ни унижительно положеніе православнаго духовенства, есть однако еще классъ людей, гораздо многочисленнѣе ихъ, положеніе котораго еще худшее: если священниковъ можно назвать рабами, то такъ называемые раскольники—парія русскаго государства, закономъ поставленные внѣ закона, противъ которыхъ все возможно, все позволено, потому что они нигдѣ не найдутъ ни правосудія, ни защиты.

Положеніе ихъ можно сравнить только съ положеніемъ турецкой райи, съ той разницею, что турецкое правительство всегда признавало право райи имѣть свои церкви и священниковъ, тогда какъ русское недопускаетъ ни того, ни другого. Есть еще другая разница: турецкіе христіане—завоеванный народъ, не сражавшійся никогда за султана и только спосившій его власть, пока видѣлъ невозможность противъ нея бороться. Раскольники — русскіе и даже лучшіе русскіе, чѣмъ исповѣдники официальной церкви; они не только несутъ все тягосты,

не пользуясь никакими благами, не только проливаютъ кровь за своихъ утѣшителей, но дѣлаютъ это охотно изъ упорной любви къ непризнающему ихъ и преслѣдующему отечеству.

Въ прежнее время, преслѣдованія раскольниковъ объяснялись, или лучше сказать извинялись, безправственностію ихъ ученій, ихъ враждебностію къ просвѣщенію, ихъ непадежностію относительно власти. Изученіе всѣхъ толковъ раскола, произведенное не вольными учеными, а изслѣдователями чиновниками и духовными, показало полную неосновательность всѣхъ и каждаго изъ обвиненій. Самая лучшая апологія раскола — записка, представленная покойному государю княземъ Орловымъ, составляющая большую заслугу князя, чѣмъ вся его военная и дипломатическая дѣятельность. Эту записку не могъ не читать и К. П. Побѣдоносцевъ и не могъ, читая ее, не признать вѣрности ея заключеній. И вотъ, однако, этотъ умный, ученый, мягкосердечный человѣкъ предпринимаетъ гоненіе на людей ни чѣмъ невинныхъ, гоненіе, которое должно превзойти все предъидущія!

Въ синодальной типографіи только что отпечатано, по распоряженію оберъ-прокурора и на средства духовнаго вѣдомства, для бесплатной разсылки по приходамъ и для раздачи въ изродѣ, брошюра „О сущности и значеніи раскола“, вдохновителемъ и даже сотрудникомъ которой былъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ. Въ этой брошюрѣ элегическимъ тономъ оплакивается свобода (!) съ котораго богослуженіе отправляется старообрядцами и доказывается необходимость запечатанія вновь молебни рогожскаго кладбища, распечатанной, какъ извѣстно, для молебствія о вступившемъ на престолъ императорѣ. Брошюра выставлена также на видъ, что до сихъ поръ „относительно“ раскола (т. е. противъ онаго) не было никогда принимаемо цѣлесообразныхъ и послѣдовательныхъ мѣръ, и что потребность въ таковыхъ чувствуется болѣе, чѣмъ когда либо.

При чтеніи этой брошюры невольно думается: хороши должны быть мѣры, если всемогущій оберъ-прокуроръ (я едва было не написалъ патріархъ) не рѣшается прямо принять ихъ, а прибѣгаетъ къ печати, чтобы дѣйствовать на умы и приготовить ихъ къ исполненію своихъ замысловъ! Говорятъ, что дѣйствительно, у оберъ-прокурора и небольшого кружка людей около него собиравшагося, имѣется цѣлая программа относительно раскола, посредствомъ которой они надѣются достигнуть сравнительно легкаго и быстрого его искорененія. Программа эта держится въ строгой тайнѣ и я не имѣю прерогативы проникнуть ее. О пѣкотныхъ пунктахъ ея, однако, знаютъ хорошо извѣщенные люди, хотя и стоящіе внѣ кружка К. П. Побѣдоносцева. Они утверждаютъ, что на первый планъ выдвигается опять „единовѣрческій вопросъ“.

Единовѣріе по отношенію къ расколу — тоже, что униа по отношенію къ православной церкви: приманка обѣщаніемъ сохраненія старыхъ обрядовъ, подъ условіемъ подчиненія іерархической власти. Но униа дѣйствовала

не одними правительственными средствами; католическая церковь поставляла красноречивых и убежденных миссионеров. Единовѣрие, напротив, только измышление свѣтскихъ людей, православная церковь къ нему равнодушна, извѣствующие же съ раскольниками дѣло, какъ священники, такъ и чиновники, просто враждебны этой новой уни: имъ гораздо выгоднѣе продолженіе существованія раскола, служащаго для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ взятокъ и наживы. Несмотря на энергическое покровительство единовѣрію императора Николая, изъ него ничего не вышло, кромѣ новой секты, съ какимъ то страннымъ официальнымъ характеромъ. Люди, способные быть подкупленными, шли изъ раскола не въ единовѣріе, а въ православіе, чтобъ пользоваться всѣми правами и выгодами господствующей церкви; люди же искренніе, вѣрующіе оставались въ расколѣ. Въ последнее время большая часть числящихся въ единовѣріи просто возвратилась къ прежней своей вѣрѣ.

И этому то искусственному созданію Побѣдоносцевъ „съ товарищи“ хотятъ придать жизнь и сдѣлать его краеугольнымъ камнемъ своей „реформы“. Въ кружкѣ его есть личность, равная ему по уму и учености, но превосходящая его изобрѣтательностью и энергіею: я говорю о Т. И. Филипповѣ, помощникѣ государственнаго контролера, за его богословскія познанія и рвеніе о церковныхъ интересахъ, прозванномъ кардиналомъ православія. Этотъ замѣчательный человекъ, посвятившій лучшіе годы своей жизни защитѣ и оправданію фанариотскаго владычества надъ болгарями, изобрѣлъ — говорятъ — средство привлечь всѣ главные раскольничьи толки къ единовѣрію, которое должно получить особую, признанную синодомъ, іерархію и не только признанное, но и уважаемое положеніе въ государствѣ. Раскольникамъ, такимъ образомъ, будетъ предложена альтернатива: присоединеніе къ единовѣрію или окончательное искорененіе. Присоединившіеся должны пользоваться всѣми или почти всѣми правами православныхъ; не присоединившіеся будутъ считаться ослушниками и мятежниками, и преслѣдоваться какъ таковыя.

Исполненіе этого, уже давно задуманнаго, плана останавливалось сопротивленіемъ членовъ синода, предпочитающихъ полное присоединеніе раскольниковъ къ православію и, ктому же вовсе не убежденныхъ въ дѣйствительности предлагаемой мѣры.

Никто изъ сколько нибудь знакомыхъ съ раскольниками и ихъ настроеніемъ не сомнѣвается, что они останутся при своемъ и не поакомятся ни на какія льготы для присоединенія ко вѣрѣ презираемой единовѣрческой сектѣ, стоящей въ ихъ глазахъ гораздо ближе самого православія. Результатъ слѣдовательно, можетъ быть одинъ: — открытіе новыхъ и послѣдственныхъ гоненій.

Гоненіе раскольникамъ, конечно, не въ диковинку; вся ихъ жизнь въ продолженіи двухъ вѣковъ, была только рядомъ гоненій, съ нѣкоторыми облегченіями или послабленіями въ промежуткахъ. Никогда, впрочемъ, время для гоненія не могло

быть хуже выбраннымъ, чѣмъ въ настоящую минуту. Уже прошедшее царствованіе видѣло нѣкоторое смягченіе преслѣдованій за вѣру, начало же настоящаго было ознаменовано первымъ публичнымъ отправленіемъ не православнаго русскаго богослуженія, наполненнымъ надеждою сердца всѣхъ раскольниковъ. Крутой поворотъ къ времени Николая I, да еще и послѣдовательный, будетъ нынѣ особенно чувствителенъ: можно долгое время не дѣлать уступокъ, не рискуя истощить терпѣніе тѣхъ, которые желаютъ послѣднихъ, но брать назадъ разъ сдѣланныя уступки — можетъ быть опасно. Со стороны же обер-прокурора и его друзей, разочаровывать раскольниковъ въ ихъ упованіи именно на настоящее царствованіе, которое они привѣтствовали съ такими надеждами, было бы въ высшей степени неблагоуразумно.

Въ Россіи и безъ того слишкомъ много элементовъ броженія и недовольства, въ которыхъ уже начали пропитаться сѣмена революціонной пропаганды. Совершенно недоступною средою были одни раскольники, даже крайнихъ толковъ; и это совершенно понятно: жизнь раскольниковъ вся основана на вѣрѣ, и потому они стоятъ дальше отъ матеріализма и атеизма, чѣмъ приверженцы господствующей церкви. Возможность союза и взаимодѣйствія тѣхъ и другихъ кажется совершенно исключенною, но кто поручится, что революціонные агитаторы не воспользуются для своихъ цѣлей затрудненіями, которыя могутъ возникнуть при введеніи принудительныхъ мѣръ въ странахъ, населенныхъ раскольниками?

Раскольники предпочитали, до сихъ поръ, переносить всевозможныя несправедливости и преслѣдованія, чѣмъ оказывать какое либо сопротивленіе властямъ. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что въ послѣднее время, на русской границѣ въ Галиціи, образовались раскольничьи центры, одушевленные большою энергіей и начинающіе сознавать силу раскольничьяго элемента въ Россіи. Вы, вѣроятно, живя въ свободной Швейцаріи, получаете или читаете раскольничьи органы, главный изъ которыхъ — издающийся въ городѣ Коломыйѣ, въ Галиціи, „Старообрядецъ“. Мы въ Россіи имѣемъ его нумера только изрѣдка, но можемъ судить, по нимъ, что раскольники перемѣнили тонъ и начинаютъ требовать того, о чемъ они только просили прежде. Пока они желаютъ только одного: признанія за ними гражданскихъ правъ и снятія проклятій, можно ли требовать меньше? но есть признаки указывающіе, что чаша терпѣнія готова переполниться и что новое гоненіе можетъ существенно измѣнить самый характеръ ихъ отношенія къ власти...

М.

КОМУ СЪ КОГО ПРИМѢРЪ БРАТЬ СЛАВЯНАМЪ ЛИ СЪ НАСЪ ИЛИ НАМЪ СО СЛАВЯНЪ?

(Письмо путешественника).

Только что получилъ разомъ 4 первыхъ номера „Вольнаго Слова“. Радуюсь появленію по-

зависимаго, правдиваго и приличнаго русскаго органа, хотя бы за границей

Жалѣю, что у Васъ ничего не говорится о Славянахъ; дѣла ихъ намъ интересны для сравненія съ нашими.

Въ послѣдніе 5 мѣсяцевъ я объѣхалъ почти весь балканскій полуостровъ, побывалъ и въ Греціи, а недавно присутствовалъ здѣсь на скупщинѣ сербской омащины; вынесъ много живыхъ и сильныхъ впечатлѣній.

Вотъ вамъ главное, — какъ бы выводъ изъ цѣлаго путешествія. Повсюду у Славянъ, — все равно независимы ли они, подъ турецкимъ ли владычествомъ, или подъ австрійскимъ, — я нашелъ лучшія условія развитія, чѣмъ въ Россіи, если хотите больше явной борьбы, шума и крика, но несомнѣнно больше свободы, а, главное, *болше самостоятельности*.

Это для меня было тѣмъ неожиданнымъ, что я отправлялся изъ Россіи съ предвзятой мыслью изучить на мѣстѣ бѣдственное положеніе меньшей братіи съ тѣмъ, чтобы знать, гдѣ и какъ подавать помощь.

Бѣдствіи дѣйствительно много и помощь нужна, но врядъ ли мы русскіе способны подать какую либо помощь кромѣ денежной, да и послѣднюю только тогда, когда у насъ самихъ будутъ деньги.

Первое что поражаало меня, куда я не приѣзжалъ, это — забота о народномъ образованіи. Не говорю уже о грекахъ, которые извѣстны и справедливо горды своими школами: но именно славяне, — сербы, черногорцы, босняки, болгары. Пока въ Россіи думаютъ еще, быть ли народной школѣ или не быть, и если быть, то на какія средства, подъ чѣмъ надзоромъ и т. п., у всѣхъ этихъ славянъ народныя школы уже существуютъ, умножаются и процвѣтаютъ. У насъ все спорятъ — кому учить; у нихъ сначала учили кто могъ, теперь же учителя порядочные и въ обиліи. Среднія училища у славянъ турецкихъ еще плохи, но въ Сербіи и Болгаріи уже начинаютъ принимать европейскій видъ. Кромѣ народныхъ школъ я замѣтилъ процвѣтаніе реальныхъ, техническихъ училищъ; и это весьма понятно: нужны свои техники для туземной промышленности, хотятъ скорѣе освободиться отъ иностранцевъ. Самые удивительные результаты даетъ Восточная Румелія, гдѣ до 1878 г. почти не было школъ кромѣ греческихъ. Теперь тамъ 745 школъ съ 50,311 учениками; выходитъ 1 школа на 508 человекъ населенія. Какаѣ будутъ пропорціи въ Россіи? — стыдно и подумать! Въ княжествѣ болгарскомъ школъ меньше и школы хуже, больше думаютъ о милиціи и дисциплинѣ, да и денегъ нѣтъ; иностранцы говорятъ: русское вліяніе. Что на это скажемъ?

Болгаріи, Восточная Румелія — страны освобожденные или почти такія; но возьмите несчастную разоренную въ концѣ Македонію, — о чемъ тамъ заботятся люди бѣдные, ограбленные бандитами и разбойниками? Собираютъ послѣдній пара, починаютъ какую нибудь лачугу, вызываютъ болгарина изъ Софіи или Филиппополя, вотъ вамъ и школа готова. Въ Босніи и Герцеговинѣ австрійское правительство заводитъ школы, говорятъ, съ хорватской тенденціей, — можетъ быть, но все таки школы заводятся и нѣмецкія и хорватскія (отличающіяся отъ сербскихъ только тѣмъ, что учебники написаны латинскими буквами, хотя и на томъ

же языкѣ). Сербѣ (т. е. православные) Босніи и Герцеговины этимъ недовольны, не хотятъ идти въ правительственныя школы, заводить свои, учить по учебникамъ, писаннымъ кириллицею; все разоренныя, убогіе, „сироты“, какъ они себя называютъ, а деньги на школы все таки находятъ. Учителей выписываютъ часто черезъ газеты: въ такой то де мѣстности надобно учителя, не возьмется ли какой „родолюбецъ“ (патріотъ) учить дѣтей нашихъ, жалованья можемъ дать столько то. И люди находятъся.

Сколько разъ вспоминался мнѣ одинъ разговоръ, который я имѣлъ прошлою зимою въ Петербургѣ, съ однимъ изъ высшихъ просвѣтителей нашего юношества. — „Какъ, вы требуете, чтобы у насъ была народная школа! — съ негодованіемъ говорилъ онъ — „да это высшій цвѣтъ культуры, это можетъ придти только послѣ утверждения высшаго и среднего образования; да и слава богу, что у насъ есть время выработать правильную систему народнаго образования“. — А здѣсь люди не имѣющие понятія ни о системѣ, ни о культурѣ, заводить школы одну за другою.

Другое, чрезвычайно поразившее меня у славянъ, это — положеніе низшаго духовенства. Фанариотовъ я оставляю въ сторонѣ, это было не духовенство, а откупщики, присылаемые изъ Константинополя. Но священники народныя, — а они теперь вездѣ, исключая Южной Македоніи и Фракіи, — повсюду обезпечены и уважаемы, и ницѣ не видѣтъ я вымогательства и пререканій между пастырями и паствою, какъ въ нашихъ селахъ.

Иначе поставлено высшее духовенство, (кроме опять таки фанариотовъ); доходы епископовъ сокращены до смѣшного, напр. въ Сербіи. Часто и въ Сербіи и въ Болгаріи указываютъ я на несообразность такого стѣсненнаго матеріальнаго положенія съ высокимъ достоинствомъ іерарховъ. — Что дѣлать, — отвѣчали мнѣ, — мы люди бѣдные, простые, не то что великая Россія, пускай и епископы наши живутъ просто, оно и болѣе по христіански. Опять контрастъ. Славяне не находятъ ередетѣль на богатое содержаніе одного епископа, а имѣютъ ихъ вездѣ на школы и на священниковъ; у насъ же, когда дѣло идетъ о крупномъ расходѣ и для важнаго лица, — деньги всегда налицо, ихъ недостаетъ только на самыя существенныя нужды.

Еще сравненіе — положеніе печати. У освобожденныхъ нами Грековъ и Румынъ свобода полная, какъ и на западѣ. Въ восточной Румелии и въ Сербіи, она довольно обширная; въ Сербіи съ тѣхъ поръ, какъ былъ извергнутъ кабинетъ Ристича, бывшій, — говорятъ, — подъ вліяніемъ Россіи. Въ книжествѣ болгарскомъ печать стѣснена съ тѣхъ поръ, какъ тамъ русскіе же генералы произвели извѣстный переворотъ. Какую не возьми югославянскую газету въ Австріи, прочтешь жалобы на стѣсненія, преслѣдованія и т. д., но достаточно прочтешь статьи, въ которыхъ жалуются на эти стѣсненія, чтобы увидѣть, что для обсужденія остается еще очень широкое поле. Наконецъ, даже въ Турціи, гдѣ нѣтъ свободы прессы, но гдѣ нѣтъ и бдительной цензуры, есть болѣе возможности высказать свои мнѣнія, изложить факты, чѣмъ въ „независимой“ великой славянской державѣ — Россіи.

Что сказано о печати, то же самое слѣдуетъ сказать и о представительныхъ учрежденіяхъ.

Хотя правительственныя публичныя въ Москвѣ и Петербургѣ и увѣряютъ, что эти учрежденія несогласны съ славянской натурой, но у славянъ они вездѣ процвѣтаютъ, и только тамъ ослабляются, гдѣ беретъ верхъ русское вліяніе, какъ недавно въ Сербіи и теперь въ Болгаріи. Но ксати о Болгаріи. Болгарскіе либералы подицаи ужасный шумъ по поводу приостановки ихъ конституціи, толико они съ нею всегда жили и не могутъ жить иначе; они такъ стужали поднять всю страну, что и князь Александръ, въ своемъ временномъ режимѣ все таки допускаетъ народное представительство; его „державный (государственный) совѣтъ“ долженъ состоять изъ 4-хъ членовъ, имъ назначенныхъ и 8 выбранныхъ. Ну, вообразите себѣ нашъ Государственный совѣтъ, на $\frac{2}{3}$ состоящій изъ выбранныхъ членовъ! Объ этомъ у насъ не смѣютъ говорить и крайніе либералы.

Въ Россіи много кричатъ о притѣсненіяхъ славянъ въ Австріи, объ устраниніи ихъ отъ пользованія общими конституционными правами и проч. Въ Венгріи собственно, правительство всѣми ухищреніями старается мадьяризировать славянъ, привлекая ихъ особенно той свободой и тѣми правами, которыми пользуется мадьярская народность; но славяне все таки находятъ въ законахъ страны возможность бороться съ тенденціями правительства. Недавно въ Вершацѣ, въ южной Венгріи, венгерскіе сербы держали омладинскую скупщину; мѣстные власти всячески имъ мѣшали, но не могли воспрепятствовать состоянію собранія, представили къ скупщинѣ комиссара, который часто прерывалъ ораторовъ, за что каждый разъ председатель скупщины предлагалъ выразить негодованіе противъ мѣстнаго начальства; комиссаръ долженъ былъ выслушивать это спокойно и слѣдующій ораторъ говорилъ тоже самое, что возбуждало протесты комиссара.

Чтобы Ваши читатели въ Россіи вполнѣ оцѣнили, что значатъ такіе стѣсненія, пусть вообразятъ себѣ въ Кіевѣ или Харьковѣ собраніе юной Украйны (если есть тамъ таковая); удовлетворяется ли полицейская власть однимъ протестомъ противъ рѣзкихъ выраженій ораторовъ и допустить ли бурныя заявленія негодованія?

Но а за то, — кричатъ наши насмѣшныя перья, — Австрія осквернила чистоту славянской природы, ведетъ славянъ къ нравственному разложенію и т. д. Личныя наблюденія показали мнѣ, что чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ живѣе, сознательнѣе славянская идея. Въ Прагѣ напр., гдѣ возникъ научный панславизмъ, болѣе думаютъ о славянитвѣ какъ цѣломъ, о борьбѣ славянскаго племени съ германскимъ, о славянской культурѣ и т. д.; тоже самое у соседнихъ Моравянъ, Словаковъ, Словенцевъ; у Хорватовъ выступаетъ болѣе узконаціональная идея, которая еще уже у Сербовъ и Болгаръ. На Балканскомъ полуостровѣ, вообще теперь менѣе говорятъ о славянскомъ союзѣ, чѣмъ о балканскомъ; идея федераціи дѣлается болѣе успешной даже въ Аѳинахъ начинаютъ серьезно говорить о необходимости отказаться отъ Константинополя для примиренія съ Болгарами и вступленія въ тѣсный союзъ съ ними, Сербами и Румынами; болгары, кажется, встрѣчаютъ греческій предложеніи сочувственно.

Вообще южные славяне теперь прежде всего думаютъ о своихъ интересахъ, хотятъ поднять свое матеріальное благосостояніе, устроить народное образованіе и думаютъ, что будутъ въ

состояніи соперничать съ другими народами въ культурѣ и ею отстаивать свою національность. Повторяю, что меня болѣе всего поразило у всѣхъ Славянъ, какъ и соседнихъ съ ними народовъ, это ихъ самостоятельность; никто не полагается на правительство, а дѣйствуетъ самъ, но въ интересъ своего народа.

Вотъ Вамъ мои первые наброски. Когда соберусь съ силами, напишу поподробнѣе впечатлѣнія о каждой славянской странѣ порознь. Не знаю, понравится ли Вамъ мое заключеніе, но я увѣжденъ, что не славянамъ съ насъ примѣръ брать, многое и мы могли бы у нихъ позаимствовать.

Примите и проч.

Г—евъ.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

IV.

Строго легальный характеръ дѣятельности соціальной демократіи въ Германіи до изданія закона противъ социалистовъ. Поведеніе ея вождей въ первое время послѣ появленія закона. Возникновеніе болѣе революціонныхъ тенденцій въ партіи. Фракція «Freiheit».

Въ Германіи социализмъ дѣлается лозунгомъ массоваго рабочаго движенія впервые въ началѣ 60-хъ годовъ. Выѣхавъ съ нѣкоторыми ветеранами-социалистами, пережившими реакцію пятидесятыхъ годовъ, Лассаль первый явился основателемъ *рабочей* соціалистической партіи въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Съ тѣхъ поръ соціалистическое движеніе въ Германіи прошло черезъ нѣсколько фазисовъ, изъ которыхъ новѣйшій наступилъ послѣ введенія такъ называемаго „исключительнаго закона“, направленаго къ окончательному искорененію социализма. До изданія этого закона, не смотря на рвеніе полиціи, прокуроровъ и судей въ „охраненіи основъ“, партія рабочая все же пользовалась *относительной* свободой дѣйствія и вела свою агитацію вполнѣ открыто. Преслѣдованія, правда, бросали въ немалой степени сѣмена раздраженія въ среду рабочихъ, раздраженія, усилившагося еще подъ вліяніемъ всевозможныхъ стѣсненій со стороны фабрикантовъ противъ „политически неблагонадежныхъ“ пролетаріевъ; тѣмъ не менѣе, тенденція къ строго легальнымъ способамъ дѣйствія господствовала въ средѣ соціалистической партіи. Мало того, по мѣрѣ численнаго роста ея членовъ и увеличенія числа ея депутатовъ въ рейхстагъ, развивалась въ большинствѣ и нѣра въ парламентарій способъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Тактика наиболѣе революціонныхъ представителей партіи, какъ, напримѣръ, Либкнехта, Бебеля, Моста и т. д., принимала все болѣе и болѣе умѣренный оттѣнокъ. Можно сказать, что стремленіе къ мирному, постепенному измѣненію соціальнаго строя путемъ законодательныхъ реформъ, приобрѣло чуть не монопольное господство въ соціально-демократической партіи Германіи. Тѣ немногіе голоса, которые раздавались противъ этой ультрапарламентской тенденціи, встрѣчали рѣзкій отпоръ не только среди „вождей партіи“, но и среди массы ея членовъ. Къ какому практическому результатамъ привела

бы рабочую партию эта возраставшая умрениость и склонность къ компромиссамъ — вопросъ, котораго касаться я здѣсь не стану. Замѣчу только, что для господствующихъ классовъ преобладаніе этого направленія въ революціонно-настроенномъ пролетаріатѣ представляло несомнѣнно большія выгоды. Но вотъ раздаются выстрѣлы Геделя и Ноблинга. Изощренность попытки послѣднихъ убить Вильгельма — и тогда была очевидна для всякаго сколько нибудь безпристрастнаго человѣка, безъ различія партій. Но реакціи, а вслѣдствіе этого, и многіе вожди либеральной партіи выстрѣлы эти были какъ разъ на руку: они могли послужить превосходнымъ предлогомъ для объявленія социалистической партіи виѣ закона, предлогомъ, который реакціи давно уже искала, чтобы сразу избавиться отъ наиболѣе серьезнаго изъ своихъ противниковъ. Впослѣдствіи оказалось, что реакція имѣетъ въ виду избавиться не только отъ социалистовъ, но и вообще отъ всякой оппозиціи военному абсолютизму и его исконному союзнику — юнкерству. Слабохарактерные и близорукие противники социалистовъ изъ либеральнаго лагеря не могли, однако, устоять передъ волей Бисмарка — и „исключительный законъ“ былъ принятъ парламентомъ. Вскорѣ, какъ извѣстно, послѣдній далъ свою санкцію и на объявленіе Берлина подъ „малымъ осажденнымъ положеніемъ“. Эта рѣзка перемѣна въ отношеніяхъ государства къ рабочей партіи *нечиную должна* была повести и къ измѣненію ея тактики въ борьбѣ противъ существующаго социально-политическаго строя. Говорю — должна была, потому что социализмъ пустилъ уже слишкомъ глубокіе корни въ рабочей массѣ и послѣдняя уже достаточно глубоко прониклась самосознаніемъ, какъ передоваго борца за общечеловѣческій прогрессъ, чтобы неожиданныя легальныя прерогативы могли хотя бы на десятокъ лѣтъ приостановить развитіе социалистической партіи въ Германіи.

Однако, перемѣна въ способахъ ея дѣйствія не сразу обнаружилась послѣ изданія „исключительнаго закона“. Наоборотъ, по видимому, въ первый моментъ и масса членовъ и вожди растерялись, и недоумѣвали, какъ быть, что предпринять. Воспитавшись на исключительно легальныхъ способахъ дѣйствія, сроднившись и мыслями и привычками съ открытой, „законной“ агитаціей и пропагандой, депутаты, журналисты и ораторы партіи оказались, по крайней мѣрѣ въ первое время, ниже своего положенія. Вотъ какъ характеризуетъ его извѣстный социалистическій депутатъ Мостъ, въ своей брошюрѣ: „Тактика противъ „Freiheit“ („Свобода“)“. „Выпущенный 9-го декабря 1878 г. изъ Плетцензее на волю, я воображалъ, что вопреки обнародованному за 6 недѣль закону противъ социалистовъ, я встрѣчу такую организацию и такое состояніе духа у товарищей, какое причисляется къ партіи, существовавшей уже 15 лѣтъ.

Я встрѣтилъ, однако, всеобщую панику“. Не только не появилось нелегальнаго органа на мѣсто прекратившагося по приказанію правительства центрального органа партіи, но и самое правленіе партіи повсюду возмѣщало о распушеніи какъ своемъ, такъ и всей организаціи....

„Спеціально меня настойчиво убѣждали какъ можно скорѣе уѣхать (изъ Берлина), такъ какъ великій, кого полиція замѣтитъ въ сообществѣ со мною, подвергается опасности быть *высланнымъ*“... „Въ Гамбургѣ я встрѣтилъ подобное же настроеніе, какъ и въ Берлинѣ“... „Такъ называемыя „выдающіеся“ личности серьезно старались доказывать, что прошло время для существованія партіи, которая все отрицаетъ. Теперь способна къ развитію только *соціальная реформаторская партія*“.

Въ виду враждебнаго настроенія Моста къ официальнымъ, если можно такъ выразился, представителямъ партіи, можно, конечно, допустить преувеличенія съ его стороны въ вышеупомянутой характеристикѣ ихъ настроенія въ первое время послѣ введенія закона противъ социалистовъ. Но и заявленія делегатовъ на тайномъ конгрессѣ партіи въ августѣ 1880 г. въ Швейцаріи доказываютъ, что руководители ея во всякомъ случаѣ встрѣтили „исключительный законъ“ далеко не съ тѣмъ мужествомъ и съ той революціонной энергіей, какую отъ нихъ вправѣ были ожидать. „Нашему прежнему правленію партіи (главная центральная администрація), а отчасти и депутатамъ, заявилъ докладчикъ отчета о состояніи дѣлъ партіи, дѣлались упреки въ томъ, что они не выступили съ новой организаціей непосредственно за обнародованіемъ закона. Противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что прежде всего вѣдь необходимо выждать предполагавшіеся (со стороны правительства) удары. Послѣдніе начались во всякомъ случаѣ очень скоро и вопросъ шелъ прежде всего о томъ, какъ спасти на сколько возможно учрежденія партіи; въ тоже время нужно было озаботиться обезпеченіемъ возможно независимаго существованія тѣхъ товарищей, которымъ долготѣнія агитаціонная дѣятельность отрѣзала всякій доступъ къ другимъ закатіямъ. Но всѣ газеты (вновь образованныя и редижированныя въ предѣлахъ новаго закона), одніе за другими, запрещены властями, такъ что въ Лейпцигѣ, напримѣръ, нельзя было печатать ни одного изданія въ домашней типографіи *)“.

Оправданія, представленныя докладчикомъ въ пользу бездѣятельности вождей партіи въ моментъ наступленія новаго закона подтверждаются во всякомъ случаѣ и заявленіями другихъ делегатовъ. „Сотни товарищей, по словамъ одного изъ делегатовъ конгресса, сразу лишились средствъ къ существованію, цѣлыя тысячи партіонныхъ денегъ пропали, и многія десятки нашихъ товарищей очутились при нищенской сумѣ, благодаря раззоренію нашихъ предпріятій“.

(типографій, главнымъ образомъ, вслѣдствіе закрытія которыхъ лишилась заработка масса наборщиковъ, экспедиторовъ и разнощиковъ социалистическихъ изданій). Въ тоже время „большое число товарищей сидѣло по различнымъ тюрьмамъ, и приходилось заботиться объ ихъ семействахъ и о нихъ.“

Если мы припомнимъ, что почти весь персоналъ многочисленныхъ руководящихъ элементовъ партіи и вся масса членовъ сидѣвшихъ по тюрьмамъ состояли изъ пролетаріевъ чистѣйшей крови, часто обремененныхъ большими семьями, то намъ становится вполне понятно, что на организацію пособій этимъ элементамъ пришлось обратить серьезное вниманіе и что въ первое время это должно было требовать траты значительнаго времени и усилій. Но при всемъ томъ, при большей энергіи и болѣе сильномъ революціонномъ чутьѣ, не могло бы произойти того „удручающаго настроенія“, о которомъ писалъ Мостъ. По крайней мѣрѣ различные делегаты на тайномъ конгрессѣ партіи заявили, что „партія, включая и делегатовъ, не стояла въ началѣ исключительнаго положенія вполне на надлежащей высотѣ“, что „совершена была большая ошибка, когда органъ партіи прекратился, вмѣсто того, чтобы немедленно перенести его за границу“. Одинъ изъ делегатовъ южно-германскихъ социалистовъ сказалъ, „что незначѣмъ было ожидать цѣлый годъ для того, чтобы основать „Соціально-демократъ“ (новый центральный органъ партіи). На конгрессѣ раздавались также жалобы противъ поведенія депутатовъ въ парламентѣ. „Партія должна твердо стоять на революціонной точкѣ зрѣнія пролетаріата (proletarisch-revolutionaerem Standpunkt)“. Если всѣ эти заявленія рисуютъ поведеніе „вождей“ въ первый періодъ вступленія въ силу исключительнаго закона не въ очень блестящемъ свѣтѣ, то съ другой стороны эти заявленія отражаютъ далеко не примирительное настроеніе массы членовъ партіи. Если послѣдніе ничѣмъ не проявили (въ массѣ) свою рѣшимость вступить на болѣе революціонный путь, то это объясняется главнымъ образомъ систематическимъ воспитаніемъ въ нихъ привычекъ и тенденцій съ одной стороны къ законности, а съ другой къ строгой дисциплинѣ и повиновенію центральнымъ учрежденіямъ партіи. Въ эта масса объединенная почти исключительно при посредствѣ центральной выборной администраціи, растерялась и недоумѣвала въ ожиданіи лозунга со стороны депутатовъ и своей администраціи. „Не одно сраженіе было потеряно, потому что вожди не дѣйствовали своевременно“, — заявилъ одинъ депутатъ по поводу замѣчанія одного изъ должностныхъ лицъ партіи, что масса членовъ должна была сама приступить къ тайной организаціи въ мѣстные кружки. „Что партія осталась неприкосновенною, заявилъ делегатъ изъ Южной Германіи, это не исключительная заслуга руководителей. Члены партіи (Parteigenossen) сами настаивали на необходимости основать органъ (нелегальный)“. Берлинскіе же рабочіе представили конгрессу меморандумъ, въ которомъ требовали исключенія изъ партіи одно-

*) „Свобода“ редижировалась Мостомъ до его заключенія въ тюрьму на 16 мѣсяцевъ за восхваленіе убійства Александра II. Она издается въ Лондонѣ.

*) Подразумѣвается типографія, принадлежавшая всей партіи и въ которой прежде печатались ея центральные органы „Volkstaat“ (до сліянія Ласальцевъ съ Эйзенхаттами) и „Vorwaerts“.

го эмигранта и выражали недоверие социалистическим депутатам рейхстага вообще и редакции „Социаль-демократа“ (нового центрального органа партии, издающегося в Цюрихе. *)

Это настроение массы членов естественно должно было вскоре отразиться и на руководителях партии, возбуждая в лучших из них новую энергию и толкая их на новые пути борьбы против государственного и экономического гнета низших общественных классов. Но прежде, чем признанные вожди партии решились выступить на путь тайной агитации, в среде первой уже успела созреть такая оппозиция против них, которая послужила почвой для образования новой фракции, решившей прямо и открыто выставить своим лозунгом подготовку и организацию революционных кадров пролетариата для возможно скорого ниспровержения общественно-политического строя путем восстания. Литературным выразителем этой тенденции является орган, издающийся в Лондоне и основанный тамошним „коммунистическим рабочим обществом самообразования“. Орган этот — газета „Freiheit“ (Свобода), — основана в начале 79 года и вплоть до 30 марта нового стиля редактировалась Мостом, который в этот день был арестован лондонской администрацией за прямое будто бы воззвание к убийству царей. Арест его не только не повлек за собою прекращения „Freiheit“, но даже побудил издателей и новых редакторов изменить тон газеты на более умеренный. Наоборот, можно сказать, что редакция еще резче начала выражаться, как о положении дьяла в Германии, так и специально о государственном и экономическом порядке в самой Англии. Сначала орган этот заявлял себя вполне солидарным с социально-демократической партией. Но недовольство этой первой попыткой выступить на нелегальный путь со стороны бывших официальных должностных лиц партии, их нападки на Моста все более и более усиливали и развивали разлад между лондонской „Freiheit“ и авторитетными вождями социаль-демократов в Германии. Издание этой газеты представлялось им делом несвоевременным, а главное актом нарушения дисциплины, так как для этого не было испрошено разрешения властей партии, которые, заметим мимоходом, печатно и письменно заявляли о нисложении своих обязанностей. С другой стороны, восторженные письма и одобрения из разных концов Германии и от немецких секций в Швейцарии, Франции и Бельгии еще более поднимали уверенность издателей и редакторов „Freiheit“ в необходимости, своевременности и совпадении их предприятия с настроением революционных элементов германского пролетариата. Первым решительным толчком к полному отделению группы „Freiheit“ и ее приверженцев в Германии

от партии социаль-демократов послужило следующее обстоятельство. Передало его со слов Моста, заимствованных мною из вышецитированной брошюры.

Рабочие (конечно, наиболее сознательные) надеялись, что по издании „социалистического закона“ рабочие депутаты низложат с себя свои полномочия и оставят рейхстаг. Но они остались: ожидали поэтому, что они с трибуны будут произносить смелые речи, в которых громко будет заявлено перед господствующими классами о несправедливости, накопляющейся против последних в груди пролетариата. Наступил для этого благоприятный повод. В рейхстаге на очереди стоял вопрос об объявлении Берлина в осадном положении. „Либкнехт направился к трибуне. Рабочие на галереях притаили дыхание: ведь Либкнехт когда то перед судом не побоялся заявить, что он „солдат революции“, который в случае необходимости возьмет оружие в руки, чтобы обличить пугали с властителями. Либкнехт прежде часто имел мужество, даже в самые критические минуты — например во время войны 1870—71 г. — противостоять (zu trotzen) бурям нападения врагов и поражать их такими речами, которые раздавались в их ушах целые годы...“ Но вместо ожидаемой критики действий правительства и поведения либеральной партии, Либкнехт заявил, что партия намерена соблюдать „закон против социалистов“, так как наша партия ведь партии реформ в самом строгом смысле слова... „Я отрицаю, что наши стремления направлены на ниспровержение существующего государственного и общественного порядка“. „Когда я прочел, говорит далее Мост, эти строки в газетах, у меня в глазах пожелтело. Тоже самое испытали и рабочие“. Коммунистический рабочий союз самообразования в Лондоне взял на себя инициативу протеста против этой тактики социалистических депутатов. Протест этот, впрочем, свободный от всех позидийших личных нападок „Freiheit“ был формулирован в специальной записке (Denkschrift), опубликованной в № 17—26 апреля 1879 г. — этой газеты. В этой записке уже достаточно рельефно обозначилось направление новой фракции в рядах немецких социалистов. В следующем письме мы познакомим читателя с главными ее особенностями. В то же время мы увидим, что и большинство приверженцев прежней программы партии должно было в конце концов реорганизоваться для нелегальных (тайных) способов пропаганды и агитации и придать более революционный характер своим изданиям. Только ознакомившись в общих чертах с главными пунктами разногласия существующих теперь в Германии социалистических фракций, мы сможем следить с некоторым пониманием за текущими явлениями рабочего движения в Германии, которое по воле Бисмарка и его друзей во всех своих отблесках должно все более и более принимать вполне революционный характер.

ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ.

Швейцарская пресса, не исключая и радикального Volksfreund, в виду предстоящего конгресса социалистов, назначенного к открытию в Берне на 23 октября, деятельно рекомендует местному исполнительному совету воспользоваться правом, предоставленным ему 78 ст. конституции, т. е. правом запрещать собрания и публичные собрания, на взгляд правительства беззаконные в своих действиях или средтвах. Швейцарских охранителей повидному не останавливает ни то обстоятельство, что бернское правительство еще ни разу со времени издания ныне действующей кантональной конституции, т. е. с 1846 года, не прибегало к пользованию своим дискреционными правом; они полагают, что бернский исполнительный совет должен склониться на сторону запрета во внимание, главным образом, к международным отношениям Швейцарии. „В сущности, говорят они, дело не в социалистическом конгрессе, а в том, которому никто не подумал бы, не смотря на всю эксцентричность могущих проводиться на нем теорий, но можно опасаться, что на этом конгрессе вновь заговорят в смысле аполитичности убийств“.

По поводу ареста в Суринглане революционера-анархиста Кафферо, его секретаря и трех гостивших у него социалистов — итальянцев, „Bund“ сообщает, что федеральный совет не отдавал никакого приказа, и что тессинские власти действовали по собственному побуждению. Итальянское правительство также не заявляло ни жалоб, ни каких бы то ни было требований по поводу действий Кафферо. Уведомленный об аресте последнего, федеральный совет потребовал от тессинского правительства донесения с представлением всего подлежащего производству по этому делу, чтобы рассмотреть, есть ли основание применить к Кафферо 70 ст. конституции, по которой конфедерация имеет право удалять с своей территории иностранцев, компрометирующих безопасность Швейцарии.

Из Петербурга телеграфируют, что первый номер правительственной народной газеты вышел и раздается даром по улицам, а также раздается бесплатно различным должностным лицам, городским головам, крупным промышленникам, начальникам школ и учительства.

В № 44 „Общего Дѣла“, под рубрикой „блудный террор“, помещено для легковѣрных следующее сенсационное извѣстие, выдаваемое за вполне достоверное: „Русское правительство, в своей борьбе с крамолой, додумалось до грандиознаго по своей нецѣлостности плана: оно усвоивает теперь организацию террористической партии и намерено создать особенное общество, названное имъ „Дружнѣе спасеніе“, цѣль котораго насильственно устранять главных не только русскихъ революціонеровъ... но и западныхъ... т. е. по просту убивать ихъ... Дружина состоитъ изъ кружковъ въ 5 членовъ, называемыхъ пятёрками. Каждый пятёрка ничего не знаетъ о дѣятельности, задачахъ и часахъ другой пятёрки; содержаніе членовъ идетъ отъ правительства и главный патронъ принимаетъ на себя а. кн. Владиміръ, непосредственное же направленіе дѣятельности дружины поручено Шидту, заведывавшему недавно управленіемъ III отдѣленіемъ“. — Нѣчто подобное мы читали нѣсколько дней тому назадъ въ „Augsburger Allgemeine Zeitung“, гдѣ, впрочемъ, о цѣляхъ „дружины“ ничего не упомянуто, а руководителемъ названъ не Шидтъ, а бывший начальникъ сыскной полиціи при градоначальникѣ, Пугачевъ, уволенный отъ службы, кажется, вслѣдствіе душевнаго расстройствѣ.

*) Все приведенныя мною цитаты, исключая первой, заимствованы изъ „Протокола лондонскаго конгресса социальнаго демократіи“, состоявшагося въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ замкѣ „Wyden“.